

Научная статья

УДК 94(574)

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-125-136

Описание обряда утверждения казахского хана Нуралы в 1749 году

Николай Сергеевич Лапин

Институт истории государства

Нур-Султан, Казахстан

lapin.79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6459-7676>

Аннотация

Представленный к публикации документ является подробным описанием обряда конфирмации казахского хана Нуралы, проведенного в окрестностях Оренбурга в июле 1749 г. В документе содержатся сведения, раскрывающие процедуру и ход событий: прибытие Нуралы к месту конфирмации, его встречу, объявление ханом, присягу, вручение царских даров, официальный обед с участием хана, его приближенных и оренбургских чиновников и военных и ряд других обстоятельств. Описание составлено оренбургским губернатором И. И. Неплюевым для Коллегии иностранных дел и является одним из документов, сопровождавших журнал губернатора, содержащий обстоятельства казахско-русских переговоров, состоявшихся как до дня утверждения, так и после. Публикация позволяет точнее представить, как российскими приграничными властями реализовывался новый механизм влияния на подданных казахов.

Ключевые слова

Российская империя, казахи, XVIII век, хан, присяга, конфирмация

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан, грант № АР08856071 «Казахстан и Россия: комплексное изучение истории становления и развития двусторонних взаимоотношений в Новое и Новейшее время (XVIII – начало XXI в.)»

Для цитирования

Лапин Н. С. Описание обряда утверждения казахского хана Нуралы в 1749 году // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 125–136. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-125-136

Description of the Rite of Approval of the Kazakh Khan Nuraly in 1749

Nikolay S. Lapin

Institute of the History of the State

Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

lapin.79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6459-7676>

Abstract

The article considers the confirmation of the Kazakh khans as the subjects of the Russian Empire. The implementation of the confirmation institute has become a new tool of Russia's influence on the Kazakh elite. The publication allows us to imagine how Russian border officials tried to introduce new mechanisms of control over the Kazakhs. The lack of military and political resources forced Russian administrators to use symbolic resources in their relations with the Kazakhs. One of these, along with the oath, was the confirmation of the Kazakh ruler by the khan, made on behalf

© Лапин Н. С., 2022

of the Russian ruling monarch. The first experience was the confirmation of the khan's dignity of Sultan Nuraly, the son of the elder khan of the Kazakhs, Abulhair, who died in 1748. Nuraly's statement became a precedent in relations with the Kazakhs. Russian authorities approved the Kazakh khan in July 1749; the first ceremony in the history of Kazakh-Russian relations took place near Orenburg. The Orenburg governor I. I. Neplyuev developed the rite of confirmation in detail. The ceremony included the arrival of Nuraly to the place of confirmation, the meeting of the khan, the announcement of his khan, the oath, the presentation of royal gifts, an official dinner with the participation of the approved khan, his entourage and Orenburg officials and military, and a number of other circumstances.

Keywords

Russian empire, Kazakhs, 18th century, khan, oath, confirmation

Acknowledgements

This research is funded by Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, grant no. AP08856071 "Kazakhstan and Russia: complex study of history of establishment and development of interrelations in new and modern time (18th – beginning of 21st century)".

For citation

Lapin N. S. Description of the Rite of Approval of the Kazakh Khan Nuraly in 1749. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 125–136. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-125-136

До первой трети XVIII столетия казахско-русские отношения не носили регулярный характер. Нередко контакты, в том числе посольские, прерывались на несколько лет или имели вялотекущий характер, обостряясь отдельными событиями на пограничье в разных точках соприкосновения на пространстве Южного Урала и Сибири. Непростое положение, в котором оказалось большинство казахских владений во втором десятилетии XVIII в., вызванное главным образом активизацией в Центрально-Азиатском регионе Джунгарского государства, привело в итоге к интенсификации казахско-русских контактов. В 1730-е гг. после серии присяг казахских правителей и признания над ними верховной власти российской монархии начинается новый этап двусторонних отношений, они приобретают регулярный характер.

В 1730–1740 гг. в среде русской приграничной администрации, в первую очередь оренбургской, в ведении которой и находились отношения с казахами, формируются идеи по дальнейшему развитию взаимодействия с казахскими правителями, учитывая их новый статус в отношениях с Российской империей.

Исходя из слабого, только формального подчинения казахов, не имея реальных рычагов воздействия и возможности оказывать непосредственное влияние на казахскую элиту, – положение, которое сохранялось практически до конца XVIII в., русскими администраторами были предприняты усилия по символической интеграции казахов. Это предполагалось реализовывать через разнообразные ритуалы и обряды, в первую очередь через присяги, которые в первые два десятилетия являлись практически единственным, наряду с институтом аманатства, и при этом весьма ненадежным инструментом удержания казахских династов в рамках новых отношений.

С приходом к руководству в Оренбурге И. И. Неплюева в начале 1740-х гг. начинается поиск новых подходов. И. И. Неплюевым выдвигается предложение о необходимости утверждения казахских ханов русским монархом, что должно было придать легитимность ханам, так как только после этого они должны были считаться «настоящими» ханами, и таким образом поставить в зависимость казахскую элиту от власти Российской империи: «зане будет то знаком прямого подданства» (КРО-1, 1961, с. 394).

В русской имперской практике уже был подобный опыт, в частности несколько ранее в соседнем Калмыцком ханстве стали утверждаться ханы [Кундакбаева, 2019, с. 193–200; Тепкеев, 2019]. С учетом этого опыта были предприняты усилия, чтобы опробовать данный механизм и в отношениях с казахами.

Учитывая отдаленность казахских владений от русских границ, а также непростые отношения, которые складывались у И. И. Неплюева со старшим казахским ханом Абулхаиром, механизм утверждения казахского хана русским монархом удалось апробировать только после гибели Абулхаира в конце 1740-х гг. Обещая поддержку семье убитого в междоусобице

хана, И. И. Неплюев добивается от его старшего сына султана Нуралы обращения к имперским властям с просьбой об утверждении его ханского титула русской императрицей.

В феврале 1749 г. была подписана императорская грамота (МИПСК, 1960, с. 39), а через несколько месяцев, в июле того же года, впервые в истории казахско-русских отношений была проведена публичная церемония конфирмации казахского хана¹.

Это стало своего рода прецедентом, к нему в дальнейшем апеллировали имперские власти, пытаясь распространить данную практику на других казахских владетелей. Однако данная традиция складывалась довольно долго. Так, следующее подобное утверждение состоялось спустя несколько десятилетий, в 1780-е гг., после многолетних неудачных попыток провозгласить ханом султана Аблая (МИПСК, 1960, с. 40–41; КРО-2, 1964, с. 103–104).

Изучение различных аспектов казахско-русских отношений в Новое время имеет солидную традицию. В последние годы как казахстанские, так и российские исследователи обращают внимание на изучение механизмов включения, или инкорпорации, казахских земель в российское имперское пространство. Одним из предметов исследования в этих трудах является утверждение казахских ханов российскими властями, в том числе обращается внимание на утверждение ханом Нуралы в 1749 г. [Сухих, 2005, с. 8–10; Трепавлов, 2015, с. 12; 2017, с. 264–265; 2018, с. 187, 194–195, 199, 205; Вовк, Шебалин, 2016, с. 195–196; Васильева, 2019; Кундакбаева, 2019, с. 205–210, 212–213; Васильев, 2020, с. 222–232].

Не остается незамеченным по понятным причинам первая попытка русских властей утвердить в 1749 г. казахским ханом Нуралы. Именно утверждение Нуралы ханом связывается с началом нового этапа в имперской политике, а уровень взаимоотношений характеризуют как «эпоху фактического утверждения государственно-политического протектората Российской империи над Казахстаном» [Ерофеева, 2007, с. 409]. Конфирмация хана имела и другие последствия. Исследователи обращают внимание на то, что утверждение Нуралы повлияло на появление нового типа документов во взаимоотношениях России и казахских ханств – патента на ханство [Сухих, 2005, с. 10; Трепавлов, 2018, с. 187].

В. В. Трепавлов на основе сравнения российского имперского опыта в отношении разных зависимых народов пришел к выводу, что «церемония введения в должность правителя, зависимого от русского царя, составляла важную часть российской политики. Она была призвана совместить внушение подданным величия и мощи России с демонстрацией благосклонности верховной власти к новому вассальному назначенцу. С течением времени имперский антураж увеличивался, оказывая яркое эмоциональное воздействие на участников интронизации», и кроме того процедура «“воцарения” вассала способствовала психологическому примирению народа с властью русских» [Трепавлов, 2015, с. 8]. Яркой иллюстрацией этого тезиса является первый опыт утверждения русскими властями в 1749 г. Нуралы в качестве хана.

Всё это привлекает внимание к данному событию и источникам, которые позволяют исследовать его.

Источником для изучения связанных с этим событий являются материалы оренбургского губернатора И. И. Неплюева, направленные в Коллегию иностранных дел, частично опубликованные в сборнике документов «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках» в 1961 г. (КРО-1, 1961, с. 444–445, 450, 461, 475–481). При этом, когда исследователи изучают непосредственно обряд утверждения Нуралы ханом, состоявшийся 10 июля 1749 г., практически всегда используют документ, озаглавленный издателями как «Донесение оренбургского губернатора И. И. Неплюева Коллегии ин. дел о церемонии публичного избрания султана Нуралы ханом и состоявшихся при этом переговорах с казахскими феодалами», датированный 9 августа 1749 г. (КРО-1, 1961, с. 475–481). В документе содержатся некоторые факты, связанные с подготовкой к обряду конфирмации, и краткое описание самого обряда (КРО-1, 1961, с. 476). Именно это краткое описание является основным источником для современных

¹ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 г. Д. 8. Л. 1–8.

исследователей [Кундакбаева, 2019, с. 206–207; Васильев, 2020, с. 242]. Кроме того, изредка ссылаются на упоминание обряда, сделанное в книге непосредственного участника событий П. И. Рычкова [Ерофеева, 2007, с. 408].

В историографии единственным исключением является работа, в которой непосредственно ссылаются на публикуемый документ, – это работа Ж. К. Касымбаева который впервые и обнаружил в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) одну из копий «Выписки из журнала действительного тайного советника Неплюева, каким образом в 1749 году Меншей Киргис касакской Орды Нуралы Хан подтвержден был в сем звании публичным обрядом» [Касымбаев, 1999, с. 149–152]. Им впервые при реконструкции биографии Нуралы хана был отмечен данный источник и сделаны на него ссылки при описании обряда утверждения Нуралы ханом. Возможно, вариант «Выписки», используемый Ж. К. Касымбаевым, был дефектным либо прочтен и интерпретирован с заметными ошибками. Так, ссылаясь на «Выписку», Ж. К. Касымбаев утверждает, что церемония конфирмации состоялась в феврале 1749 г., а в качестве места называет г. Омск, и кроме того имеется ряд других неточностей [Там же, с. 150–152].

В «Донесении» от 9 августа 1749 г. И. И. Неплюев очень кратко перечисляет отдельные моменты, которые сопровождали обряд утверждения Нуралы ханом: проведение процедуры в лагере на отведенном месте, речь самого оренбургского губернатора с объявлением об утверждении хана, принесение ханом присяги и вручение ему царских даров – шубы, шапки и сабли. Само описание обряда в «Донесении» приводится отдельным пунктом и занимает всего 15 строк (КРО-1, 1961, с. 476).

В отличие от этого описания публикуемая «Выписка» позволяет рассмотреть весь процесс, тщательно проработанный оренбургскими властями. Документ содержит уникальные данные об обстоятельствах, связанных с утверждением Нуралы ханом.

Как показывает публикуемый документ, русские власти тщательно подготовили конфирмацию, которая включала не только объявление нового хана и принесение им присяги, но и целый ряд других эпизодов, рассматривавшихся И. И. Неплюевым как важный элемент всего церемониала.

В «Выписке» подробно показаны прибытие Нуралы со своей свитой к месту конфирмации и его встреча, которая стала, по сути, началом всей церемонии. Перечислены присутствующие как с казахской, так и русской стороны. Дано последовательное описание чтения царского «патента» на двух языках и указывается, в отличие от «Донесения», на участие в обряде ахуна, который читал вслух текст присяги хана. Из документа видно, что хан не просто выслушал текст присяги, но и публично подтвердил, что «он содержание ее все внятно разумеет и исполнять все усердно желает»². Важным элементом обряда, как следует из документа, стало возложение царских даров на хана – шубу и саблю надели на хана русские чиновники, участвовавшие в обряде, а шапку вручил сам губернатор И. И. Неплюев³. Кстати, Ж. К. Касымбаев этот фрагмент интерпретировал так, что шуба и сабля были присланы от императрицы, а шапка – лично от И. И. Неплюева [Касымбаев, 1999, с. 151].

Важным элементом, который отсутствует в «Донесении», является указание на то, что в ходе обряда хан целовал не только имеющий особое значение для мусульман «куруан», но и императорский «патент», которым Нуралы провозглашался казахским ханом, что стало новым элементом в церемониале.

Публикуемый документ показывает события, произошедшие после обряда: поздравления хана, пальба из пушек, торжественный обед, состоявшиеся беседы и целый ряд других интереснейших данных.

Эти и другие подробности, содержащиеся в «Выписке», делают необходимым ее публикацию, что позволит более предметно показать механизмы, привлекаемые русской имперской администрацией для удержания казахских владений в поле своего внимания. Документ

² АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 г. Д. 8. Л. 4.

³ Там же.

позволяет точнее представить, каким образом Российская империя пыталась впервые через проработанный ритуал получить дополнительный рычаг влияния на казахскую элиту.

Публикуемый документ представляет собой выписку, извлеченную из журнала оренбургского губернатора И. И. Неплюева, который содержал подробное описание обряда. Необходимо отметить, что в донесении от 9 августа И. И. Неплюев указал на существование обстоятельного описания церемонии утверждения нового хана, которое он ранее этого числа отправил в Коллегию иностранных дел (КРО-1, 1961, с. 476). Таким образом, автором описания обстоятельств утверждения Нуралы казахским ханом является оренбургский губернатор И. И. Неплюев, а сама публикуемая выписка была сделана из материалов его журнала уже в Коллегии иностранных дел.

На сегодняшний день можно утверждать о существовании двух «Выписок» – на одну ссылался Ж. К. Касымбаев, она хранится в АВПРИ в том же фонде, но в другом деле, и публикуемый вариант.

Документ не содержит даты создания самого описания обряда, но это время следует ограничить периодом с июля (не ранее 10–11-го числа, когда происходили описываемые события) до начала августа 1749 г. (не позднее 9-го числа, когда И. И. Неплюев в своем донесении уже упоминает о его существовании и отправлении в Коллегию). Время и обстоятельства создания собственно «Выписки» не ясны. Учитывая прецедентное значение конфирмации Нуралы в 1749 г., можно предположить, что данную выписку в Коллегии иностранных дел могли сделать в связи с новыми утверждениями казахских ханов, состоявшихся в 1780–1790-е гг.

Данная публикация является первым изданием «Выписки из журнала действительного тайного советника Неплюева, каким образом в 1749 году Меншей Киргис касацкой Орды Нуралы Хан подтвержден был в сем звании публичным обрядом», хранящейся в АВПРИ в фонде 122 «Киргиз-кайсацкие дела»⁴. В деле хранится только сама «Выписка» общим объемом восемь листов, на листах с первого по седьмой текст имеется и на обороте. Документ написан одним почерком, черными чернилами.

Публикация документа производится по упрощенным правилам издания исторических источников. Текст документа публикатором разбит на абзацы и предложения, расставлены знаки препинания.

Выписка из журнала действительного тайного советника Неплюева, каким образом в 1749 году Меншей Киргис касацкой Орды Нуралы Хан подтвержден был в сем звании публичным обрядом

(л. 1) Для принятия его хана послан был подполковник Кудрявцов с коляскою тайного советника, шестью лошадьми заложенную, пред которою были два верховых лакеев, с ним же, с подполковником, командировано было при той каляске 24 человека гранодер с одним прапорщиком да 24 человека казаков с одним сотником. И тако помянутой подполковник, прибыв к хану, объявил о себе, что он прислан поздравить его, хана, и просить в лагерь к тайному советнику, и препроводить с подобающею честью.

Хан оного подполковника спрашивал, какой он имеет чин, и, уведомясь о том, посадил его в своей полатке, а между тем приказал салтанам и старшинам убираться к езде и, немного посидев, вышел и сел в коляску обще с помянутым подполковником, а напротив их сидел переводчик Гуляев. Братья ж его и протчие солтаны и старшины все ехали верхами, что чинилось в начале 12го часу пополночи.

И понеже подлой киргиской народ, о котором было от хана сообщено, что оного // (л. 1 об.) более пяти сот человек, поехали за ним ханом весьма не стройно и, по их обычаю, не

⁴ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 г. Д. 8. Л. 1–8.

порядочно подле каляски, то хан приказал своим ясаулам многих отогнать. Почему те подлы люди по большей части отстали и возвратились паки в свой лагерь, что, как видно, он, хан, нарочно учинил, дабы от них во время его приезда и трактования безобразия и непорядков не произошло.

К принятию ж его ханскому в лагерь учреждено было ниже следующее. А именно:

Под команду Троицкого полку полковника Фрауэндорфа в параде стояло регулярных пеших Троицкого и Казанского, и Шешминского полков драгун с штаб и обер офицеры и протчими чинами 1050

Да нерегулярных конных с оренбургским атаманом Могутовым казаков 400

Да калмык крещеных и башкирцов по 100

А всех чинов не регулярных 611

При артиллерии 13

Всего Регулярных и нерегулярных 1674 человека.

И с того числа при ставке тайного советника Неплюева Пензенскаго полку гранодерская рота для караула и носки кушанья.

// (л. 2) Да на пекете от степи того ж полку салдат 40 человек.

Все без знамен.

Когда хан приблизился к фрунту, тогда штаб и обер офицеры и бывшия в параде редовые Регулярныя и нерегулярныя отдали честь, и в барабаны бит поход, а когда он проехал фрунт и был между фрунта и Тайного Советника ставки, тогда выпалено из пяти пушек. И в проезд его мимо караулу, стоявшего при ставке, от онога отдана так же честь с барабанным боем.

И как он, хан, подъехал к кибитке тайного советника, нарочно для того убранный, то у коляски принял его полковник Палчиков, потом здоровался он с братом своим Айчувак солтаном, а близь кибитки тайного советника поздравил его генерал майор фон Штокман, за которым пред кибиткой принял и поздравил его сам тайный советник, по их киргискому обыкновению, обнявся руками и взяв за руку, по кратком пиветствии ввел в кибитку свою, где он хану еще особливо краткую речь сказал, которой содержание в том состояло, что он Тайный Советник // (л. 2 об.) по премногу радуется, видя его, хана, толь благополучное сюда прибытие. И хотя никогда не имел случая персонально с ним видется, но его верность и добрыя поступки по смерти отца его Абулхаир хана побудили его, тайного советника, столь горячо в его честь и достоинство вступить и возыметь старание, дабы в его персоне ханство отца его возтановить. И о том по народному их избранию Ея Императорскому Величеству всеподданнейше представлять и всемилостивейшей конфирмации всенижайше просить, которая, как то он уже известен, и воспоследовала. И он, тайный советник, имеет Ея Императорского Величества высочайшее повеление на то ханство Всемилоостивейший патент ему вручить, також и знаки Ея Императорского Величества высочайшей милости публично на него, хана, возложить, с чем его, хана, яко своего дознанного друга и приятеля поздравляет.

Хан на то ответствовал, по их обыкновению, примером из закона их, что в душах человеческих еще прежде, нежели они на сей свет происходят, от самого Бога назнаменовано бывает, когда и с кем союз дружелюбия иметь, и тако они на сем свете и в теле будучи то, что от Бога уже назнаменовано, действием исполняют, уподобляя, что и дружба, между ими имеющаяся, // (л. 3) такое ж основание имеют, за которую яко ж и за все его, тайного советника, о нем старательства он, хан, по премногу благодарствует и высочайшую Ея Императорского Величества милость по крайней своей возможности заслуживать долженствует.

Потом сели за стол в кресла, хан по правую сторону, а подле его братья и прочия солтаны, а с другую сторону тайный советник и подле его генерал майор фон Штокман, подле же онога Айчувак солтан и бывшей у двора Ея Императорского Величества Джанбек солтан, а несколько и старшин в той же кибитке сели на разосланных коврах, по их обыкновению.

Потом тайный советник ему, хану, предложил, о учинения исполнения по силе высочайшего Ея Императорского Величества повеления, а между тем от кибитки в сажнях в 10 ти, к реке Яику, послан был казенной в золотом персидский ковер, вокруг которого с ясаулом

ханским были киргисские старшины, всего человек более 100, а притом и народ всякого звания по отдаль смотрели.

Как тайный советник с ханом с солтанами и с бывшими в кибитке старшинами, також и генерал майор фон Штокман с штаб и обер офицерами // (л. 3 об.) пришли на то место, где ковер разослан, то тайный советник к имеющимся притом солтанам и старшинам чрез переводчика кратко объявил, что Ея Императорское Величество из высочайшего своего к ним милосердия по их избранию и по всеподданейшему прошению Нуралы солтана киргис касацким ханом всемилостивейше конфирмовать изволила и на то ханское достоинство соизволила пожаловать ему патент и особливые знаки высочайшей своей милости, и чтоб они тот ханской патент все внятно слушали и тако.

Оной патент подлинной парчею обложенной из учененного на то особливо и красным сукном обитого ящика вынут и читан сперва по руски чрез ассессора Рычкова, а после того приложенной к оному перевод на татарском языке читал переводчик Гуляев, что выслушав, как хан солтаны, так и все старшины за высочайшую Ея Императорскаго Величества к ним оказанную милость благодарили.

После сего хану предложено было о учинении присяги, на что он ответствовал, что он то от всего своего сердца исполнить должен и желает. И тако стал он на колени, а ахун для того с кураном приготовленной вслух всего народу чел ему присягу, // (л. 4) по окончании которой хан целовал куран и еще подтвердил, что он содержание ея все внятно разумеет и исполнять все усердно желает, и, взяв ея в руки, вынул имеющуюся у него печать, и своими руками ту свою печать к ней приложил.

После чего чрез ассессора Рычкова и двух губернских секретарей Иванова да Коптяжева надета на него, хана, присланная шуба и сабля, а шапка от самого тайного советника ему, хану, вручена, которую он, хан, тот час надел себе на голову, и потом от тайного советника самого вручен ему, хану, реченый патент, которой он, приняв, поцеловал и на голову поднял, на конец объявлен и читан солтанам, беям и старшинам, и всему народу перевод с грамоты присланной к ним с бывшим у двора Ея Императорскаго Величества Джанбек солтаном о произведении помянутого хана, что також и краткую тайного советника речь, на то сказанную, выслушав, они за высочайшую Ея Императорскаго Величества милость благодарили и по крайней своей возможности исполнять обещали.

За тем хану от тайного советника и генерал майора и от бывших при том штаб и обер офицеров учинено поздравление, и играла музыка с литаврами, при том же выпалено из 7 пушек и учинен беглым огнем залп один раз.

// (л. 4 об.) Потом паки пошли в кибитку тайного советника, где между тем приготовлены были для трактования 8 столов в четырех больших палатках. Из которых за первым обедали хан с солтанами и лучшими старшинами да тайный советник с генерал майором да двумя полковниками, а за другим прочия штаб офицеры и старшины, и в других палатках старшины с обер офицерами, которыя их потчивали, и трактваны были все со всяким удовольствием.

При столе питы были с пушечною пальбою следующие здоровьи, а именно:

1е Ея Императорскаго Величества, и выпалено из 15ти пушек.

2е Их Императорских высочеств, и выпалено из 9ти пушек.

3е Верных подданных Ея Императорскаго Величества всякого народа и звания, и выпалено из 5ти пушек.

4е Хана со всею его фамилиею и со всем подчиненным ему касацким народом и благополучного его правления, и выпалено из 5ти пушек потом.

5е Как и генерал майор, пили за здоровье тайного советника и просили, чтоб учинена была пальба, почему и выпалено из 5ти пушек.

// (л. 5) 6е Генерал майора Фонштокмана со всеми штаб и обер офицерами и со всею воинскою командою, и выпалено из 5ти пушек.

7е За благословение Божие городу Оренбургу, яко по высочайшему Ея Императорскаго Величества Указу для пользы и защищения киргис кайсацкого народа построеному, и живущих в нем, и выпалено из 5 ж.

А подлые их люди и кощей, при лошедах бывшия, трактованы особо в лагире как пищу, так и питьем с удовольствием, причем и из купечества яко то татары, хивинцы, бухарцы, ташкенцы, и кашкарцы и протчия довольствовались. Ибо того и запрещать было не сходно, яко собрались для смотра.

И понеже подлой народ с ним, ханом, как выше означено, не приехал, а для одного мяс и питья приготовлено было довольно, того ради по согласию с ханом оное заготовленное послано к ним в ханской лагирь, где чрез бывшего при том обер офицера и толмачей трактованы, и многия из них были весьма пьяны.

По выходе из за стола хан благодарил тайного советника за содержание Айчювак // (л. 5 об.) солтана и за то, что, как он, хан, слышел, назвал его себе сыном, и радуется сему весьма, что он его видит не толко в таком, но и в лутчем еще здоровье против того, как он, Айчювак солтан, в орде был, и просил дабы оставляемой на место его, Адиль солтан, равномерно ж содержан был.

Потом подаван был кофе, которым хан солтаны и знатные старшины были трактованы, а между тем тайный советник в генеральных терминах старшинам еще говорил, каким образом надлежит им выбранного ими и от Ея Императорскаго Величества всемилостивейше конфирмованного и сей день формально объявленного хана почитать и ему надлежащее послушание отдавать и прочее, за что они его, тайного советника, паки благодарили и исполнять обещали.

После того за двором была экзерция Пензенского полку гранодерской роты с пальбою из ружей и метанием шлагов, которой якоже и исправности и скорости во всех экзерциях и в пальбе весьма он, хан, и солтаны, и старшины дивились и войски Ея Императорскаго Величества выхваляли, а потом в вечеру подле реки // (л. 6) Яика сожено в их же удовольствие несколько верховых и водяных также и земляных ракет, а затем уже в 11м часу пополудни он, хан, с солтаны и старшины поехали в свой лагирь, в той же коляске, в которой привезен был в лагерь, и за препровождением выше помянутого же подполковника Кудрявцова и с таким конвоем, как выше сего означено, а пальбы притом ни какой чинено уже не было. Тайный же советник с протчими, також и Айчювак солтан, возвратились в город.

Помянутый подполковник ис ханского лагеря возвратился в первом часу по полуночи и доносил, что хан за все показанные к нему от Ея Императорскаго Величества высочайшие милости и за благодеянии тайного советника приказал его благодарить, а о киргисцах, бывших в его ханском лагире, объявлял, что многия из них были весьма пьяны, так что и нагие ходили, однако без всякого замешания и посланным к ним пищу и питьем оказывали себя довольными.

При отправлении в ханской лагерь для оставшагося тамо от хана народу на пищу заготовленного мясa оному ж народу послано питья.

// (л. 6 об.) Збитня 10 ведр.

Вина горячего простого 3 [ведра].

Меду 6 [ведер].

Да после того в вечеру как для хана, солтанов и старшин, так и для всех на 11е число послано же.

Бык 1.

Баранов 8.

К отпущенным накануне в ханской лагерь.

Послано для него хана баранов 2.

Вотки гданской штоф 1.

Да для вновь прибывших киргисцов баранов 3.

Пред полуднем хан к тайному советнику присылал от себя с благодарением за высочайшую Ея Императорского Величества милость, накануне к нему оказанную, також и за все тайного советника благодеяния, желая после полудни для разговору с ним, тайным советником, о их народных и прочих делах приехать в город с братьями своими. Чего ради послана была к нему коляска // (л. 7) его, тайного советника, цугом в провожании поручика Максютова, их язык знающего, и канвою 12ю гранодер с ундер афицером да 12ю человек казаков с их ундер офицером же, в которой он после полудни часу в седмом в город приехал, и сперва заезжал в квартиру обретавшагося в городе брата своего Айчювак солтана и был у него с час, а в начале уже девятого часу по полудни с братьями своими, в том числе и с оным Айчюваком, також и с бывшим у двора Ея Императорского Величества зятем своим Джанбек солтаном к тайному советнику приезжал.

При въезде его, хана, на двор отдана была ему от стоящего тут караула ружьем с барабанным боем и с музыкою, яко же и у градских ворот ружьем с барабанным же боем, честь, а пальбы и никакого параду для того его в город приезде не было. При выходе ж из коляски встретил его полковник Палчиков, а как взошли на крыльцо и приблизились к сеням, то его, хана, тайной советник повстречал, ввел в зал, в котором несколько людей нарочно было собрано, и хан посажен был по правую сторону в кресла, а подле его Эрали, Ходжа-Ахмет, Айчювак, Адиль // (л. 7 об.) да Джанбек и Чингиз солтаны на стулья. Ис киргисцов же кроме их служителя Байбека с ними никого не было. Причем тайный советник его, хана, за вчерашнюю компанию, а он, хан, его тайного советника за угощение благодарили и спрашивали друг друга о здоровье. Притом же от тайного советника разговор был, что здесь место новое и от старинных российских жил не блиское, и за тем хотя что и мог, но лутче сделать, но ко всему времени и удобности еще нет, чего ради здешней город таков есть, как он, хан, видит. На что хан сказал, яко сей построенной по благословению Божию и по соизволению Ея Императорского Величества город так хорош ему показался, что он такого еще и не видел. Между тем же хан смотрел на поставленные в зале картины, причем ему Ея Императорского Величества и Его Императорского Высочества благоверного государя великаго князя Петра Феодоровича патреты указаны были, из которых он как Ея Императорского Величества и Его Императорского Высочества государя великаго князя в золотых рамах стоящие персоны особливо примечал, а Эрали солтан сказал к тому, // (л. 8) что хотя кто и у двора Ея Императорского Величества быть не случился, однако не может того сказать, чтоб он Ея Императорского Величества и Его Императорского Высочества высочайших персон не видал, ибо то что они ныне видят есть точное изображение их высочайших лиц. Потом все бывшия тут выслааны, а оставлены при нем, тайном советнике, только присутствующей в оренбургской канцелярии ассессор Рычков, секретной экспедиции секретарь Коптяжев да употребляющийся в переводы Сергиевского полку поручик Максютов и переводчик Гуляев. А потом Байбеком и Чингиз, так же и Джанбек солтаны по приказу ханскому выведены в другую камору, а Адиль солтан еще прежде сам уехал, и тако при нем, хане, остались только три брата его, а именно Эрали, Козь-Ахмет и Айчювак солтаны да Байбек стоял. И начался разговор о делах, о которых в особливом протоколе значит, и продолжался до 1го часу по полуночи, а по окончании разговоров он, хан, в лагерь его в коляске препровожден таким же образом, как и привезен.

АВПРИ. Ф. 122. Он. 1. 1749 г. Д. 8. Л. 1–8.

Список литературы

- Васильев Д. В.** Рождение империи. Юго-восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 608 с.
- Васильева Н. Е.** Известия губернатора Оренбургской губернии Г. С. Волконского об инаугурации казахского хана Младшего Жуза Жанторе. Новые материалы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10, вып. 1 (75). DOI 10.18254/S0002551-5-1
- Вовк И. В., Шебалин И. А.** «Присяга» и «Подданство» в политической практике казахской элиты в 30–40-е гг. XVIII в. // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2016. № 1 (105). С. 193–197.
- Ерофеева И. В.** Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с.
- Касымбаев Ж. К.** Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). Алматы: Білім, 1999. 288 с.
- Кундакбаева Ж. Б.** Организация имперского пространства в кочевой среде: казахи и волжские калмыки в орбите внимания России в XVIII веке. Алматы: Қазақ университеті, 2019. 384 с.
- Сухих О. Е.** Как «чужие» становятся «своими», или лексика включения Казахской степи в имперское пространство России // Вестник Евразии. 2005. № 3. С. 5–29.
- Тепкеев В. Т.** «Всемилоостивейше жалуюм тебя, подданного Нашего, и учреждаем Ханом Калмыцким». Церемония объявления Дондук-Омбо в ханское достоинство в 1737 г. // Oriental Studies. 2019. Т. 12, № 4 (44). С. 627–633.
- Трепавлов В. В.** «Древнее обыкновение» и царская инвеститура. Восшествие на трон вассальных правителей в России XVII – начала XX в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 4. С. 5–16.
- Трепавлов В. В.** Казахская правящая элита в Российской империи. Церемониальное отображение подданства // Страны и народы Востока. М., 2017. Вып. 37: Государство на Востоке. С. 263–297.
- Трепавлов В. В.** Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 320 с.

Список источников

- КРО-1 – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. 743 с.
- КРО-2 – Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы): Сб. документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964. 575 с.
- МИПСК – Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской соц. революции). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. Т. 1. 441 с.

References

- Erofeeva I. V.** Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik [Khan Abulkhair: Commander, Ruler, Politician]. Almaty, Daik-Press, 2007, 456 p. (in Russ.)
- Kasymbaev Zh. K.** Gosudarstvennye deyateli kazkaskikh khanstv (XVIII v.) [Statesmen of the Kazakh Khanates (18th Century)]. Almaty, Bilim Publ., 1999, 288 p. (in Russ.)
- Kundakbaeva Zh. B.** Organizatsiya imperskogo prostranstva v kochevoi srede: kazakhi i volzhskie kalmyki v orbite vnimaniya Rossii v XVIII veke [Building the Imperial Space inside

a Nomadic Environment: Kazakhs and Volga Kalmyks in the Orbit of Russia's Attention in the 18th Century]. Almaty, Kazak universiteti, 2019, 384 p. (in Russ.)

- Sukhikh O. E.** Kak "chuzhie" stanovyatsya "svoimi", ili leksika vklyucheniya Kazakhskoi stepi v imperskoe prostranstvo Rossii [How "Strangers" Become "Friends", or the Vocabulary of Incorporation of the Kazakh Steppe into the Imperial Space of Russia]. *Vestnik Evrazii [Bulletin of Eurasia]*, 2005, no. 3, pp. 5–29. (in Russ.)
- Tepkeev V. T.** "Vsemilostiveishe zhaluem tebya, poddannogo Nashego, i uchrezhdaem Khanom Kalmytskim". Tseremoniya ob'yavleniya Donduk-Ombo v khanskoe dostoinstvo v 1737 g. ["We Most Graciously Favor You, Our Subject, and Establish the Khan of Kalmyk". The Ceremony of Declaring Donduk-Ombo to the Khan's Dignity in 1737]. *Oriental Studies*, 2019, vol. 12, no. 4 (44), pp. 627–633. (in Russ.)
- Trepavlov V. V.** "Drevnee obyknovenie" i tsarskaya investitura. Vosshestvie na tron vassal'nykh pravitelei v Rossii XVII – nachala XX v. ["Ancient Custom" and Royal Investiture. Accession to the Throne of Vassal Rulers in Russia in the 17th – Early 20th Century]. *Vostok. Afroaziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' [East. Afro-Asian Societies: Past and Present]*, 2015, no. 4, pp. 5–16. (in Russ.)
- Trepavlov V. V.** Kazahskaya pravyashchaya elita v Rossiiskoi imperii. Tseremonial'noe otobrazhenie poddanstva [Kazakh Ruling Elite in the Russian Empire. Ceremonial Display of Subjectship]. In: Strany i narody Vostoka [Countries and Peoples of the East]. Moscow, 2017, iss. 37: Gosudarstvo na Vostoke [State in the East], pp. 263–297. (in Russ.)
- Trepavlov V. V.** Simvoly i ritualy v etnicheskoi politike Rossii XVI–XIX vv. [Symbols and Rituals in the Ethnic Policy of Russia in the 16th – 19th Centuries]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2018, 320 p. (in Russ.)
- Vasilyev D. V.** Rozhdenie imperii. Yugo-vostok Rossii: XVIII – pervaya polovina XIX v. [The Birth of an Empire. Southeast of Russia: 18th – 1st Half of 19th Century]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2020, 608 p. (in Russ.)
- Vasilyeva N. E.** Izvestiya gubernatora Orenburgskoi gubernii G. S. Volkonskogo ob inauguratsii kazakhskogo khana Mladshogo Zhuzha Zhantore. Novye materialy [Information on the Inauguration Ceremony of the Kazakh Junior Zhuz' Khan Zhantore by Governor of Orenburg Province Prince Grigory Volkonsky on the Inauguration of the Kazakh Khan of the Younger Zhuzh Zhantor. Some New Data]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatelinyi zhurnal "Istoriya" [The Online Journal of Education and Science "Istoriya"]*, 2019, vol. 10, iss. 1 (75). (in Russ.) DOI 10.18254/S0002551-5-1
- Vovk I. V., Shebalin I. A.** "Prisyaga" i "Poddanstvo" v politicheskoi praktike kazakhskoi elity v 30–40-e gg. XVIII v. ["Oath" and "Subjectship" in the Political Practice of the Kazakh Elite in the 1730s – 1740s]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University]*, 2016, no. 1 (105), pp. 193–197. (in Russ.)

List of Sources

- Kazahsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vekakh (sbornik dokumentov i materialov) [Kazakh-Russian Relations in the 16th – 18th Centuries (Collection of Documents and Materials)]. Alma-Ata, AS KazSSR Publ., 1961, 743 p. (in Russ.)
- Kazahsko-russkie otnosheniya v XVIII–XIX vekakh (1771–1867 gody): sbornik dokumentov i materialov [Kazakh-Russian Relations in the 18th – 19th Centuries (1771–1867): Collection of Documents and Materials]. Alma-Ata, Nauka, 1964, 575 p. (in Russ.)
- Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoidineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii) [Materials on the History of the Political System of Kazakhstan (from the Time of the Accession of Kazakhstan to Russia until

the Great October Socialist Revolution)]. Alma-Ata, AS KazSSR Publ., 1960, vol. 1, 441 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Николай Сергеевич Лапин, кандидат исторических наук, доцент
Scopus Author ID 57110148000
WoS Researcher ID AAW-4281-2021

Information about Author

Nikolay S. Lapin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor
Scopus Author ID 57110148000
WoS Researcher ID AAW-4281-2021

*Статья поступила в редакцию 12.04.2021;
одобрена после рецензирования 31.08.2021; принята к публикации 14.09.2021
The article was submitted 12.04.2021;
approved after reviewing 31.08.2021; accepted for publication 14.09.2021*